

Қайыркен Т.З.¹, Атабаева Э.К.²

¹профессор, д. и. н., Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан, г. Астана

²магистрант кафедры востоковедения, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан, г. Астана, e-mail: elmiraelya@yandex.ru

СИНТО И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ДУХ ЯПОНЦЕВ

Данная статья посвящена синто, его уникальности и его гармоничному сосуществованию с другими религиями, такими как буддизм, христианство и конфуцианство. Рассмотрено взаимоотношение государства и синто и его использование в качестве главного идеологического инструмента. В статье повествуется о том, что на протяжении всей истории государственности, в самые ее переломные моменты, для объединения народа и пробуждения в нем патриотических чувств власти страны использовали главную идею синто – идею о божественном происхождении нации. Описываются исторические периоды: образование государства, реставрация Мэйдзи, послевоенная Япония и время феноменального экономического роста в стране.

Ключевые слова: синто, идеология, синкретизм, национализм, религия.

Kayirken T.Z.¹, Atabayeva E.K.²

¹professor of the Oriental Department, L.N. Gumilyev Eurasian National University, Kazakhstan, Astana

²graduate student of orientalism department, L.N. Gumilyev Eurasian National University, Kazakhstan, Astana, e-mail:elmiraelya@yandex.ru

Sinto and national heart of japanese people

This article is dedicated to Sinto, its unique and harmonious coexistence with the other religions, such as Buddhism, Christianity and Confucianism. Considered the relationship between the government and Sinto and its use as the main ideological instrument. This article narrates the story, which tells, that throughout the history of the government in the most critical moment for the union of the nation and its revival of patriotic feelings, the authorities of the country utilised the main idea of Sinto – an idea about a divine origin of the nation. The historical periods are described: the formation of the state, restoration Meiji, postwar Japan and the time of the phenomenal economical growth in the country.

Key words: sino, ideology, syncretism, nationalism, religion.

Қайыркен Т.З.¹, Атабаева Э.К.²

¹т.ғ.д. профессор, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Қазақстан, Астана қ.

²шығыстану кафедрасының магистранты, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Қазақстан, Астана қ., e-mail: elmiraelya@yandex.ru

Синто және жапон халқының ұлтшылдық рухы

Бұл мақалада синтоизмнің, өз бірегейлігінің арқасында, буддизм, христиандық және Конфуций сияқты басқа діндермен үйлесімділік тауып дамығаны туралы сөз етілмек. Синтоны негізгі идеологиялық құрал ретінде мемлекет басқарудағы қарым-қатынасын дұрыс пайдаланудағы жолдары қарастырылады. Мақалада мемлекет құру жолындағы тарихы мен елді біріктіру кезінде кей осал тұстарында, Синтоның - Құдайдан тараған ұлт идеясын патриоттық сезімді ояту үшін маңызды сәттерінде қолданылғаны туралы баяндалған. Мемлекеттің қалыптасуы, Мэйдзи реставрациялау, Жапонияның соғыстан кейінгі жылдары және елдегі феноменальді экономикалық өсуі кезіндегі тарихи кезеңдерді сипаттайды.

Түйін сөздер: синто, идеология, ұлтшылдық, дін.

Введение

На протяжении всей истории государственности главная идея синто – идея о божественном происхождении нации использовалась властями страны в основном в качестве идеологического инструмента. Так, первое ее использование в таком качестве пришлось на период образования самого государства в VIII в. Главная идея синто о божественном происхождении императора и его подданных была зафиксирована в образе мифов в мифологических сводах Кодзики («Запись о делах древности» 712 г.), а затем в «нихон секи» («Анналы Японии» 720 г.). Это, в первую очередь, космогонические мифы, повествующие о происхождении мира, это «эра богов», космологические легенды, которые рассказывают нам о дальнейшем устройстве мира и возникновении самой японской государственности. Сами мифы записывались по инициативе императора Тэмму (VIII в.), в тот период, когда он ощутил необходимость укрепления своей власти как военным или экономическим, так и идеологическим путем. Академик Н.И. Конрад так описал этот процесс: «Устанавливая приоритет императорского дома, бывшего по существу лишь одним из наиболее могущественных среди всех прочих домов родовых старейшин, Кодзики («Запись о делах древности») способствует централизации государственной власти в Японии, помогает идеологически тому процессу, который уже шел полным ходом в областях экономической и политической. Наделяя монархов божественным происхождением от самой Аматэрасу, Кодзики делает возможным установление прочного общегосударственного культа как средства той же централизации и общего «огосударствления» Японии. Кодзики укрепляет позиции центральной власти и исторически, и политически, и религиозно». (Конрад, 1991: 61-62.). Отношение японцев на протяжении всей истории к монарху можно назвать очень щепетильным, это можно определить по тому, как они боятся произносить вслух имя императора при его жизни. Они используют многочисленные слова-обращения, такие как: «Хозяин поднебесной», «южноликий», «сын неба», «хозяин мириады колесниц», «святой хозяин», «золотое колесо», «господин десяти добродетелей». Вот какую причину данному интересному факту называет Лих М.А. «Появление многочисленных слов-обращений связано с традицией запрета произношения вслух титулов и имен императоров. Это напрямую

связано с верованиями о возможности сглаза правителя злыми духами, взятыми из японской мифологии. Подобные страхи привели к тому, что зачастую императоров называли словами-ассоциациями с местами расположения их резиденций: «дворец» (по-японски – синги), «врата» (микадо), «покои» (ути) и др.» (Лих, 2014:1). Для японцев император, прежде всего, это святое существо, через которое происходит общение с божествами, которые таким образом покровительствуют всей нации. Подобное мышление, укоренившееся в сознании японцев, и является тем фактором, который поднимает самосознание японцев и способствует идеи их превосходства над другими народностями. Но на самом деле, на протяжении целых столетий император не обладал реальной властью, однако тезис о его божественном происхождении, как и о том, что он есть воплощение самой японской национальной идеи, использовался правящей верхушкой для обоснования в глазах населения правомочности своих политических проектов. Подобная ситуация имела место в годы Второй мировой войны, когда гражданам предлагалась для интеллектуального усвоения теоретическая модель, в соответствии с которой император являлся неким живым обоснованием всего происходившего. Американские политики прекрасно понимали эту характерную особенность традиционной японской системы властных отношений. Возможно, именно поэтому они придавали столь большое значение пересмотру системы взаимодействия института императорской власти и общественности. После определённых колебаний император Хирохито согласился отречься от идеи о своём божественном происхождении, и таким образом лишил будущих сторонников экспансионистской внешней политики возможности обосновать свои агрессивные действия именем императорской власти.

Основная часть

Традиционная религия японцев синто всегда играла и продолжает играть весьма существенную роль в повседневной жизни японского общества. В связи с чем можно проследить неоспоримую связь культа императора с древними религиозно-мифологическими воззрениями данного этноса, поскольку именно благодаря синтоистским заповедям представляется возможным объяснить сугубо японский вариант происхождения государства, а также особенности формирования института политической власти в Японии (Понаморёва, 2015:1505).

На первых порах синто сложно было назвать религией. Так как там нет пророков, четко разработанных канонов и догм, что бывает у любой мировой религии. В синтоизме преобладает ритуально культовая составляющая с групповой формой существования общества. В то время как для мировых религий главным является индивид с его личными проблемами и чаяниями. Так, в своем исследовании Карибэ Есихито утверждает, что корни синто лежат в древних верованиях, мировоззрении и культуре жителей Дзёмон, что все это лишь трансформировалось в синто. И что именно в этот период в сознании японцев сформировалось уникальное качество – стремление к гармоничному сосуществованию в обществе, самоотречение, забота в первую очередь о ближнем, что до сих пор является главной отличительной чертой нации. Он пишет: «Думаю, японскую культуру и общество можно разделить на две части.

Первая – это коренная японская культура дзёмон, а вторая – культура яёи, испытавшая сильное влияние азиатского континента, а также Корейского полуострова. Некоторые учёные полагают, что история культуры Дзёмон превышает 10 тыс. лет. Это культура, «впечатанная» в бессознательное и глубинное сознание японцев, культура общества, в котором действуют принципы единения с другими, взаимного уважения и совместного процветания, оптимального разделения социальных ролей и сосуществования. Это так называемая горизонтальная культура, твердыней которой является семейное общество во главе с сумэрамикото (императором) и которая зиждется на единении с природой. Считается (хотя на этот счёт имеются и разные мнения), что место возникновения культуры Дзёмон – географический центр Японии, гора Кураияма в префектуре Гифу. Что же касается культуры Яёи, то она, вероятно, возникла в районе Идзумо, который испытал сильное влияние со стороны государства Сирагэ (Силла), находившегося на Корейском полуострове.

Эта культура породила вертикальное дискриминационное общество с сильным стремлением к господству, проистекавшем из характерного для азиатского континента закона джунглей. Если, принимая во внимание этот момент, сравнить современную Японию с Западом, то, вероятно, придётся констатировать, что в нашей стране вряд ли уже сложилось сословное вертикальное общество. Однако, если принять в расчёт завышенную оценку общества глобализационного как единственно идеального, то будет допусти-

мо назвать Японию страной, где продолжает существовать культура вертикального общества: Яёи. Какое же место в мировом вертикальном обществе Япония отводит себе сейчас, в эпоху глобализации, с её законом джунглей, действующим в общепланетарном масштабе? Куда она стремится – к сословному обществу типа яёи или же к горизонтальному обществу типа Дзёмон?». Простым японцам, поверхностно подходящим к проблеме; идентичности это трудно понять, но для её изучения анализ культур Дзёмон и Яёи чрезвычайно важен (Есихито, 2004:7). В свою очередь, Японский ученый, исследователь данного периода Сегав Такуро, в своей книге «Культура Дзёмон жива?» так пишет о мировоззрении айнов (первые поселенцы северной части островов, носители культуры Дзёмон) и зачатках синто: «При рассмотрении поверий айнов и древних народов моря (группа средиземноморских народов, начавших миграцию в условиях «катастрофы бронзового века», в XIII веке до н. э.) об обитающем между морем и горами божестве, соединяющем земной мир с иным миром, неожиданно, словно к магниту, один за другим притянулись и обнаружились интересные вещи. Вера в божество, обитающее между морем и вершиной горы, в понятие, что морские пещеры являются порталом для входа в иной мир, также не были чуждыми для народов южных островов (острова Рюкю). Японский этнолог и литературовед Оригути Синобу, изучавший феномен «марэбито» – божества, периодически приходящего в мир людей, опираясь на верования народов южных островов, считал, что данное мировоззрение, которое изжило себя к началу периода древней Японии, относится к периоду Дзёмон (период истории айнов и японской истории с 13 000 года до н. э. по 300 до н. э.). Также поверье, что пещеры являются порталом для входа в иной мир, а горные вершины являются порталом для выхода из земного мира, было распространено в местах для духовных практик Сюгэндо (японское синкретическое учение, соединяющее буддизм, синто и даосизм) по всей Японии, в котором почитаются священные три горы Дэва Санзан, одной из которых является гора Хагуро-сан. Японский исследователь культуры и религии Горай Сигэру предположил, что повсеместное создание по всей Японии мест для духовных практик последователей Сюгэндо, с появлением которого поменялся свод верований периода Дзёмон, было связано с охотниками. Поверье о возможности перехода в иной мир – это отголоски свода верований периода Дзёмон

Японии. В данной книге я попытался с точки зрения археологии доказать, что вера японцев в потусторонний мир восходит к временам периода Дзёмон. Вера народов периода Дзёмон в божество, обитающее между морем и горами, видоизменившись, была позднее унаследована земледельцами, а богиня гор, оставшаяся без божества моря, стала вести одинокую жизнь между горами и равниной.

Поверья периода Дзёмон не канули в лету 2000 лет тому назад, а всего-навсего в другом облики все также продолжают существовать в сердцах японцев. Вопреки и благодаря тому, что являюсь археологом, я никогда не предполагал, что поверья периода Дзёмон могут дожить до наших дней, но благодаря своим трудам я убедился в этом окончательно и бесповоротно» (Такуро, 2017:47). Таким образом, мы можем увидеть зачатки религиозных мифов, которые трансформировались позднее в официальный мифологический свод государства. По этому поводу можно рассмотреть еще одну точку зрения: «В настоящее время существует и точка зрения, согласно которой японское государство Ямато представляет собой плод дальнейшего развития древнеайнского государства Яматай. Так, например, исследование ДНК японцев показало, что доминирующей Y-хромосомой у японцев является D2, то есть та Y-хромосома, которая обнаруживается у восьмидесяти процентов айнов, но почти отсутствует у корейцев (считающихся, по другой версии, которую мы кратко изложим ниже, происходящими, как и японцы, от алтайских скотоводов и охотников, переселившихся на территорию Кореи и Японских островов). Это говорит о том, что по крайней мере правящий слой японского государства Ямато (погребения представителей которого дошли до нас) состоял из людей дзёмонского (айнского), а не более позднего яёйского антропологического типа. Здесь также важно иметь в виду, что, видимо, существовали различные группы айнов, одни из которых, как уже упоминалось выше, занимались собирательством, охотой и рыболовством, а другие создавали более сложные социальные системы. И вполне возможно, что те «примитивные» айнские собиратели, охотники и рыболовы, предпочитавшие жить в гармонии и равновесии с природой, с которыми позднее вело войны японское государство Ямато, рассматривались как «дикари» не только японскими «сынами Ямато», но и «культурными» айнами государства Яматай (которые, несмотря на свою «культурность», были, как и «айны-дикари», обречены полечь под

стрелами и мечами японских самураев или же быть ассимилированными японцами).

Религиозные представления айнов, более всего приближающиеся к наиболее архаичным формам фетишизма с элементами анимизма и идололатрии, резко отличались от религиозных представлений японцев. Так, Л.Я. Штернберг писал о религии айнов: «У них самым главным предметом культа являются заструганные палочки («инау»), которые они ставят везде: на своем очаге, на дворе, на берегу моря, в лесу и т.д.». Он указывает, что «на Сахалине у племени айну, которые даже свое происхождение ведут от дерева, к необыкновенным деревьям относятся как к божествам и одаривают их жертвоприношениями, находим своеобразные культовые изображения, состоящие почти исключительно из заструганных палочек, и в этих палочках главную роль играют именно завивающиеся стружки». Как же объяснял Л. Я. Штернберг эти «самые главные предметы культа» из анимистического мировоззрения? Оказывается, при помощи объяснения самих же айнских шаманов. Стружки есть языки, а весь «инау», по выражению Штернберга, – некий деревянный «оратор», отправляющийся ходатайствовать за людей перед богами и духами.

Спору нет, что такое толкование есть у айнских шаманов, но это не научное объяснение, это лишь вторичное осмысление древнего культа. Культ инау интересен тем, что за ним не скрывается какой-либо определенный дух; просто считается, что у каждого инау есть «душа». Распутать вопрос об инау, выводя их из веры в духов, не удастся, хотя «инау играют огромную роль в жизни айну». «Вся его обстановка, все его окружающее, вся его деятельность заполнена инау»; «без преувеличения можно сказать, что значительная часть жизни айну уходит на изготовление инау»; «в доме, в ограде дома везде инау, и далее, куда ни повернешься, на горе, на берегу моря, речки, в лесу, на дорогах, перевалах, на кладбищах и т. д. – всюду самых различных форм инау, то хозяину горы, то хозяину солнца, моря, речки, то предку, то киту, выдре, медведю, тюленю и т.д.»; «но еще более многочисленны инау, которые делаются по тому или иному случаю. Например, после каждой удачной охоты... заболел человек, выздоровел, отправился в путешествие, вернулся и т.д. – каждый раз новое инау». Едва ли можно сомневаться, что перед нами более древние элементы, вплетенные в ткань анимистических верований» (Акунов, 2013:49).

Синтоизм принадлежит только японцам. Он пронизывает всю повседневную жизнь народа от разнообразных верований, культов, ритуалов до этических норм. Это своего рода форма мировосприятия японцев.

Религиозный синкретизм в Японии

Так, в связи с тем, что в синтоизме нет определенных канонов и догм буддизму, конфуцианству и христианству, не составило труда внедриться в японское общество. Этому процессу Ильина Н. дает такое определение: «Любопытно, что «Кодзики», в которых прославлялись Kami в целом и Аматэрасу в частности, были составлены в ту эпоху, когда у местных японских божеств появился весьма серьезный соперник – Будда, первоначально воспринятый в Японии как чужеземный «Kami», обладавший, по утверждениям переселенцев из Кореи, безграничным могуществом. Мало-помалу получила распространение и религиозно-философская доктрина буддизма, усугубленная, вдобавок, пришедшим из Китая родительским культом. «Духовная сторона буддизма не могла долго оставаться не оцененной, тем более что родная религия содержала лишь примитивнейшие концепции философии и морали, и немудрено, что буддизм, после первоначального обращения к простым материальным стремлениям и страхам японцев, нашел у них сильную и настоящую ответную любовь. Чувство крепости и святости семейных уз, свойственное японцам и раньше, было усилено китайской доктриной сыновней почтительности, причем эта доктрина утратила в Японии значительную долю своего сухого формализма, и среди первых японских изображений Будды многие были посвящены родителям, живым либо умершим, в знак благодарности от их детей». Постепенно заполняя те духовные «ниши», которые не мог охватить синто, буддизм укоренялся в японской почве, и так сложился причудливый симбиоз – синтоистский буддизм, или буддийский синтоизм, – а в японской мифологии появились «одомашненные» иноземные будды и боддхисаттвы, ставшие *хидзири*, то есть святыми, творящими чудеса. Наибольшего почитания среди этих святых удостоились аватары (воплощения) боддхисаттвы Авалокитешвары, которого японцы приняли под именем Каннон и которого чаще всего представляли себе в женском облике. Также приобрел значительную популярность и культ Эмма-о (индийского Ямы) – правителя страны мертвых, определяющего меру греховности и благодетельности каждого человека. Логичным итогом победного шествия учения Буд-

ды по Японским островам следует признать тот факт, что по сей день большинство верующих японцев исповедуют буддизм наряду с синтоизмом» (Ильина, 2007:3).

Что касается распространения конфуцианства в Японии, то Нагата Хироси дает следующее определение: «конфуцианство как таковое с самого начала представляло собой «разжиженное религией» идеалистическое мировоззрение, представляло такую идеалистическую философию, которая порой содержала в себе элементы религии; и потому оно теоретически обосновывало религию как «почитающую духов и божеств» (Хироси, 1991: 107). И только в период Токугава (1603-1868 гг.) японское конфуцианство приобрело статус самостоятельной идеологии. О том, в каких условиях и для каких целей служило конфуцианство, написано в книге «Японский феномен»: «Оно сложилось в условиях развития городов, среди самурайства и характеризовалось религиозной (нередко сочетаясь с синто), этической и социально-экономической (теория управления государством и подданными) направленностью. Хотя конфуцианство и утверждало самостоятельность разума по отношению к вере, оно не опиралось на достижения естественных наук, а служило, главным образом, сохранению феодального строя с его иерархией, слепо придерживаясь традиционных китайских доктрин. Укоренение конфуцианства было связано с потребностью развитого феодального общества утвердить, в отличие от диктуемого буддизмом иллюзорного восприятия мира, новые взаимоотношения людей, более сложные образцы поведения, нормы и ритуалы. Ритуалу придавался объективный характер, ибо его нельзя было вывести из субъективного «врожденного знания» любого человека. На этой концепции ритуала был основан, в частности, Бусидо (путь самурая). Значимость ритуала во всех сферах деятельности японского общества, т.е. конфуцианские нормы повседневной жизни сохраняются и по сей день. Из всех течений конфуцианства японскому обществу наиболее близким оказалось чжусианство с его критическим осмыслением канонических текстов, пристальным вниманием к природным явлениям. Будучи строго систематизированным учением, оно более всего отвечало интересам самурайства, утверждению кодекса классовой морали, основанной на принципах сословности» («Японский феномен», 1996: 14). Причиной, по которой чжусианство (западные ученые называли неоконфуцианство) власти Японии

легко приняли и внедрили в японское общество в качестве учения, возможно, кроется и в том, что в главном трактате Чжу Си «Путь правления» говорится о безоговорочном и покорном подчинении своему правителю, а так же полное подчинение власти.

Следующий пример использования синто в качестве идеологического орудия приходится на конец 19 в. (после революции Мэйзи), когда Япония приступила к военному соперничеству с другими великими державами за сферы влияния в регионе. В данном случае национальная идея о божественном происхождении была использована для мобилизации нации на борьбу с внешней угрозой. Государство осуществляло централизованный контроль над обществом, то есть массы мобилизовались на государственные дела сверху вниз, не снизу вверх, как в демократических странах. Идеология государственного национализма в Японии традиционно была наделена государством особыми добродетелями японской расы-нации, позволявшими ей оправдывать свои агрессивные устремления по отношению к другим нациям и прежде всего к своим соседям по Восточной Азии. При этом японский национализм представлял собой идеологическое смешение воедино милитаристских, индустриальных и реформистских аспектов национальной идеи, характеризовавших основные направления вмешательства государства в жизнь нации, формирования японской национальной идентичности (История и современность, 2010: 2).

Идеологический аспект синтоизма

Власти Японии во все времена тонко манипулируют национальными чувствами, мифами, традиционной японской культурой. Они постоянно корректируют по мере возникновения необходимости отклонения в национальной идеологии и направляют в нужное русло. У японцев в сознании прочно сформировалось убеждение, что его частные интересы и национальные интересы государства есть одно целое. В ходе исторической эволюции японской политической системы отношения между институтом императорской власти и правящей элитой приобрели весьма необычный характер. В древней японской рукописи «нихонсеки» есть одно высказывание «Хако ити у» («Восемь углов под одной крышей»). Оно приписывалось императору Дзимму и первоначально означало распространение гуманности по всему миру. Однако в период Токугава трактовка этого лозунга свелась к идее господства Японии в мире. Расе ямато, имеющей

божественное происхождение, предназначено править миром. Объединив все «восемь углов» света под японской «крышей», она установит на земле процветание и спокойствие (Танака, 2012:130).

Если говорить о периоде феноменального экономического роста, то и здесь, несомненно, власти страны делали упор на уникальности японской нации. Доказательством тому служит разработанная в 1970 г. специальная националистическая теория – «нихондзинрон», за ней следуют такие организации, как «нихон о мамору кокумин кайги» (Национальный совет в защиту Японии), «Кокка кихон мондай досикай» (Ассоциация по обсуждению фундаментальных проблем государства) и т.п. организации, пропагандирующие и поддерживающие идею о первичности японской нации с ее «уникальными» культурными ценностями. В первой половине XX в. национальное мышление японцев характеризовалось наличием всех основных особенностей его внешнеполитического поведения. Эта модель не была статичной, она развивалась в динамике. Она не была взаимоисключающей. Например, японский просветитель и основатель одного из крупнейших университетов страны – Кэйо – Фукудзава Юкити признавал, что японский национализм прежде всего отражал два основных принципа национального поведения, а именно: искусство «осторожного сближения» и «просвещенного международного лидерства». Именно эти ведущие принципы международного поведения, заложенные в основу внешнеполитической государственной идеологии, позволяли Японии устанавливать контакты с великими мировыми державами. Используя такую идеологию, власти Японии уже на рубеже XIX–XX в. вошли в клуб великих мировых держав и приблизились к «мировой цивилизации» через модернизацию нации. Эта идеологическая модель японского государственного национализма побуждала лидеров иностранных держав проявлять уважение к «особенностям национальных традиций Японии» как важному элементу ее усилий по «поиску баланса между идеологией реформ и сохранением сильных авторитарных методов управления ими» (История и современность, 2010: 2).

Стоит отметить особенно значимую роль государства как центрального элемента националистической идеологии. Отношение между народом и государством таково, что японцы убеждены в том, что именно государство защищает нацию и национальную культуру.

Даже в самый драматичный период в новейшей истории, период послевоенной оккупации (1945-1951) государству удалось сохранить культурную идентичность нации, ее коллективную память и отечество, этническое прошлое и национальное единство. Ему удалось это сделать даже вопреки американской политике, которая пыталась разрушить традиционное и культурное наследие японского национализма. Власти Японии смогли отстоять национальную и государственную независимость, стойко сопротивляясь всему, что угрожало их традициям и духовной основы нации-синтоизму, реформам образования, военно-промышленным корпорациям-дзайбацу. Таким образом, американцам после Второй мировой войны, как мы видим, не удалось все-таки разрушить основание японского национализма-японского духа.

Заключение

Феномен живучести синто заключен, прежде всего, в нем самом, в особенностях его происхождения в осевое время, в огромном по-

тенциале к развитию, в способности к ассимилированию, в его открытости для иных учений и религий, в его националистичности и, как это ни парадоксально, в его не слишком близких отношениях с государственной властью.

Японские националисты выводят историю развития японской нации из фундаментальных этнических корней, а не из процессов ее модернизации. Поэтому столь большое значение придается распространению в массовом сознании японцев мифов о происхождении японской нации, о националистической символике, о ценностях и националистических привязанностях японцев, начиная с рассказов об этом в детских садах и заканчивая популяризацией этих сюжетов в телевизионных программах. Подобными методами власти последовательно выковывают субъективное историческое измерение японской нации и японского национализма.

Таким образом, тезис о готовности японцев еще долгое время сохранять свои национальные корни, свою самобытность и избегать быть поглощенными «глобальной культурой» находит свою аргументацию в истории страны.

Литература

- Конрад Н.И. Японская литература в образцах и очерках. – М., 1991. – С. 61, 62.
 Карибэ Есихито Традиционная японская идентичность с древних времен до эпохи глобализации: дисс. канд. ист. н. – М., 2004. – С. 7.
 Сегав Такуро. Дзэмон бунка ва икитеру? – Токио, Япония, 2017. – С. 46.
 Ильина Н. Японская мифология. Энциклопедия. – Мидград, 2007. – С. 3.
 Японский феномен. – М., 1996. – С. 14.
 Интернет Журнал История и современность. – №2(12)/2010. – С. 2 // <https://www.socionauki.ru/journal/articles/129567/>
 Понаморёва Ю. В. Прошлое и культ императора в религиозно-мифологической традиции японцев // Молодой ученый. – 2015. – №10. – С. 1505.
 Лих М.А. Вестник Международного института экономики и права. – 2014. – №2(15). – С. 56.
 Акунов В.В. Самурай державы Ямато. – 2013. – С. 49.
 Танака Т. нихонно какуте. – 2012. – С. 130.

References

- Konrad N.I. Japonskaja literatura v obrazcah i ocherkah. – M., 1991. – S. 61, 62.
 Karibje Esihito Tradicionnaja japonskaja identichnost' s drevnih vremen do jepohi globalizacii: diss. kand. ist. n. – M., 2004. – S. 7.
 Segava Takuro. Dzemon bunka va ikiteru? – Tokio, Japonija, 2017. – S. 46.
 Il'ina N. Japonskaja mifologija. Jenciklopedija. – Midgrad, 2007. – S. 3.
 Japonskij fenomen. – M., 1996. – S. 14.
 Internet Zhurnal Istorija i sovremennost'. – №2(12)/2010. – S. 2 // <https://www.socionauki.ru/journal/articles/129567/>
 Ponomorjova Ju. V. Proshloe i kul't imperatora v religiozno-mifologicheskoj tradicii japoncev // Molodoy uchenyj. – 2015. – №10. – S. 1505.
 Lih M.A. Vestnik Mezhdunarodnogo instituta jekonomiki i prava. – 2014. – №2(15). – S. 56.
 Akunov V.V. Samurai derzhavy Jamato. – 2013. – S. 49.
 Tanaka T. Nihonno kakute. – 2012. – S. 130.